

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-134-147

УДК 316.3/4

ГОРОЖАНИН В ПОИСКАХ СООБЩЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ХАБАРОВСКА)*

Бляхер Леонид Ефимович,
*доктор философский наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Тихоокеанского государственного университета,
Россия, 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136
ORCID: 0000-0002-0610-9395
leonid743342@mail.ru*

Ковалевский Андрей Владимирович,
*младший научный сотрудник
департамента научных исследований
Тихоокеанского государственного университета,
Россия, 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136
ORCID: 0000-0003-1576-337X
fakzy79@gmail.com*

Аннотация

Сложившаяся традиция анализа и описания пространства отечественного города, как правило, маргинализирует значительные части этого самого пространства. Так, за пределы понятия «город» вытесняются оставленные промышленные зоны, деревянная малоэтажная селитба, коттеджные поселки и пр. Часто за пределами анализа остается советский частный сектор, охватывающий в отдельных поселениях более половины территории города и существенную часть его населения. В данной работе мы предлагаем взглянуть на эти «маргинальные» территории и населяющие их группы жителей принципиально иным взглядом, чтобы рассмотреть их не как «территории перспективного развития», а как уже сложившееся социальное пространство с присущими ему социальными смыслами и практиками. В рамках конкретного дальневосточного города, Хабаровска, на материалах двухлетнего наблюдения, трех серий глубинных интервью и анализе статистических, демографических и пространственных данных мы сначала

* Исследование выполнено в ходе работы над темой «Принципы российской государственности: социологический анализ советского и постсоветского опыта», финансируемой за счет средств федерального бюджета (FEME 2022-0004, № 1022061600020-8).

определяем соотношение «нормального городского» (регулярная городская застройка) и «маргинального» пространств, а затем объединяем эти две дискурсно разобщенные части в единый объект – российский город, которому, как мы показываем в работе, имманентно присущи оба этих типа пространств, между которыми неизбежно возникает коммуникация. Как показало исследование, именно в «невидимой» части города складываются наиболее устойчивые сообщества, активно участвующие в «борьбе за город», организующие рутинное сопротивление стремлениям властных агентов изменить их пространство. В районах же регулярной городской застройки, напротив, сообщества всё чаще сменяются «совместностями», объединениями по поводу пользования общими элементами городской инфраструктуры. Вместе с тем между этими частями возникают «точки встречи», объединяющие город, дающие ему шанс на формирование целостности или, по крайней мере, связности. Анализ городского пространства, его производства и борьбы за него, анализ городских сообществ Хабаровска и представлен в настоящей статье.

Ключевые слова: город, социальное пространство, урбанистика, борьба за город, производство пространства, Хабаровск.

Библиографическое описание для цитирования:

Бляхер А.Е., Ковалевский А.В. Горожанин в поисках сообщества: особенности организации дальневосточного городского пространства (на примере города Хабаровска) // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 1, ч. 1. – С. 134–147. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-134-147.

Процессы постсоветской урбанизации описаны уже многократно. Есть работы, содержащие, прежде всего, эмпирические описания российских городов [4], появились и серьезные теоретические исследования [16]. Несмотря на относительное изобилие работ, рассматривающих город как социальный феномен, своего рода квинтэссенцию социальности [7], все они рассматривают процесс «стягивания» окружающего социального пространства в городские центры, «сжатия» социального пространства России [15]. Подобный подход был абсолютно оправданным в течение многих десятилетий. Он базировался на общей тенденции миграционного дрейфа из сел в малые города, из малых городов в крупные, из них в мегаполисы [18]. Однако уже в середине 2010-х гг. этот процесс замедлился. Точнее, стал не столь линейным. Наряду с сохраняющейся, хотя и ослабевшей тенденцией сжатия социального пространства всё более ощутимыми становятся центробежные тенденции.

Разрастаются субурбии, где находят себе приют не только и не столько «новые горожане», недавно переселившиеся из села или малого города, но и «беглецы» из городов [8]. Причем в «новых пригородах» таких «беглецов», финансово и статусно вполне успешных, становится всё больше. Даже в отдаленных районах, где поселения официально просто отсут-

ствуют, а численность местных жителей пренебрежимо мала (межселенные территории), возникают новые поселения, где живут именно горожане или бывшие горожане [2].

Но и в самих городах, которые в большей или меньшей степени сохраняют функцию ресурсораспределительных центров, начинаются процессы, достаточно серьезно отличающиеся от тех, которые фиксировались все последние десятилетия. Здесь основным направлением до недавнего времени было сокращение пространства частного сектора советской и досоветской эпохи и увеличение пространства регулярной городской застройки. Сам же частный сектор в рамках проектов городского развития оставался просто невидимым, «пустым» пространством [3]. Как справедливо отмечал А.Ф. Филиппов [17], наполненность социального пространства связана с наличием в нем некоторой системы маркеров, которые наблюдатель и считывает в качестве элементов пространства. Их отсутствие делает пространство «пустым». Отсутствие в частном секторе городов считываемых маркеров «городского» и превращало их в «пустые» территории перспективного развития или «управляемого сжатия».

Вместе с тем в крупных городах Сибири такая «невидимая» часть города воспроизводилась с завидным постоянством. И не только воспроизводилась, но и создавала специфические формы городской жизни, отличные и от собственно городских, и от сельских: устойчивые сообщества, которые были связаны не только отношениями взаимоподдержки, но и активно участвовали в «борьбе за город» (Д. Харви) [20], отстаивая свой вариант городского пространства. Судьбу этой «невидимой» части города, процессы, протекающие в ней сегодня, мы и рассмотрим в настоящей статье на примере одного из городов Востока России – Хабаровска.

Эмпирическим основанием нашего рассмотрения стали данные двухлетнего включенного наблюдения, проведенного в районах частной застройки города Хабаровска, и три серии неформализованных глубинных интервью (2019–2021 гг.) с жителями этих районов, сотрудниками мэрии и правительства края, работниками полиции (всего 25 интервью). В качестве дополнительных источников информации использовались материалы Государственного архива Хабаровского края, где были проработаны данные военных учреждений, строительных организаций, министерств строительства и архитектуры, статистические и демографические отчеты. Кроме того, были проанализированы схемы, карты, генеральные планы, материалы фото- и видеосъемки, данные министерства строительства и базы портала «Реформа ЖКХ». Использовались вторичные данные по истории города Хабаровска. Эти данные и позволили нам описать соотношение «видимого» и «невидимого» («пустого») пространства в рамках города.

Хабаровск советский: «видимый» и «невидимый»

Официально Хабаровск ведет отсчет своего существования с 1858 г., когда на высоком берегу Амура близ впадения в него Уссури был основан военный пост Хабаровка. Однако этот пост, а затем город и столица Приамурского генерал-губернаторства был почти полностью уничтожен в годы Гражданской войны. Население города сократилось с 53 тыс. жителей до менее 19 тысяч. Здания в основном уцелели, хотя сменилась их семантика. В них расположились представители новой власти, с 1922 г. начавшие активно прибывать в город.

Уже к 1926 г. население города восстановилось. Такой резкий рост привел к серьезному жилищному кризису [12]. Последний, как показала Н.Г. Кулинич, разрешался отнюдь не за счет строительства новых капитальных зданий, но за счет быстрого возведения бараков и строительства советского частного сектора. Немногочисленные здания на центральной улице (в тот момент ул. Карла Маркса) и двух других центральных улицах (Серышева и Ленина), выполненные в стиле функционализма, и были символом строительства нового мира [14]. Но в еще большей степени с новыми смыслами соотносились дома командования военного округа (штаб, госпиталь, дома высших офицеров и т. д.).

В середине 1930-х гг. смысл региона, как и смысл города, был сформулирован совершенно четко – крепость СССР на Дальнем Востоке [5]. Соответственно, именно военная составляющая стала основой «видимого» городского пространства. Не менее значимой была и промышленная составляющая в виде предприятий ВПК. Она реализовалась в структуре микрорайонов вокруг заводов. При этом сами микрорайоны не покрывали весь город, оставляя многочисленные пустыри, промзоны и районы частной и барачной застройки. Если «видимое пространство» активно отражалось в отчетах и планах, выстраивалось в рамках парадигмы строительства нового мира, то «невидимое пространство», составлявшее в тот период, судя по картам, более 60 % территории города, жило совсем иной жизнью. Здесь держали скот, разводили огороды, занимались промыслами на дому [6]. Это позволяло не только снизить остроту жилищной проблемы стремительно растущего населения, но и несколько сгладить перекосы в снабжении. Такое «полусельское» существование продолжалось вплоть до 1960-х гг.

Именно с 1960-е гг. начинается вытеснение частного сектора, первоначально – из центра города. В этот период (60–80 гг. XX века) наблюдается наиболее стремительный рост городского населения: с 270 тыс. жителей до 560 тыс. Однако частный сектор сохраняется. В большей части ретроспективных интервью, собранных авторами статьи, респонден-

ты отмечали бóльшую свободу частного сектора, его притягательность. Об этой особенности частного сектора («деревяшек») тех лет говорили и респонденты.

«Мы, если по молодости хотели спокойно выпить с друзьями, посидеть без проблем, шли в “деревяшки” за Руднева (улица, примыкающая к частному сектору. — прим. авторов). Туда менты даже не совались. Там можно было, если деньги есть, и с водочкой посидеть. И никто не спросит: “Тебе сколько лет? Где твои мама с папой?” Там все иначе было, чем в городе. /.../ Если кореш там есть, то не только сэма, но и помидорчиков с огурчиками на закуску дадут. В “деревяшках” у всех свои помидоры, огуры, картошка. Многие и свинок держали. Типа на мясо, на сало. У кого-то даже коровы были» (мужчина, 58 лет, работник СМИ).

Отношения между жителями «видимого» и «невидимого» города носили двойственный характер. С одной стороны, как видно из интервью, приведенного выше, частный сектор воспринимался как пространство свободы, во всяком случае большей свободы, чем предоставляла регулярная микрорайонная застройка. С другой – квартира была более престижным и статусным жильем. Во всяком случае, именно так воспринимали ее респонденты. При этом жители частного сектора и жители микрорайонов работали на одних и тех же предприятиях, ходили в одни и те же магазины, их дети посещали одни и те же школы. Соответственно, будучи невидимыми для власти, жители частного сектора были вполне видимы для других горожан.

Хотя был и момент стигматизации районов частной застройки, сохранившейся до наших дней. Там, по общему убеждению, процветало хулиганство, бандитизм, а жители были в основном алкоголиками. Именно так репрезентируют жителей «невидимого города» внешние наблюдатели. И даже сегодня, когда пространство частного сектора в городе составляет менее 20 % территории и только 10 % населения (по данным картографирования и по базе данных «Реформа ЖКХ»), подобная стигматизация сохраняется.

Современность – бегство из города. Внутренние пригороды

Современный этап в истории города в значительной степени напоминает сценарий развития практически любого крупного регионального центра: незавершенная индустриализация и урбанизация прошлой эпохи, стягивание основных промышленных предприятий региона и, конечно, преимущества статуса крупного города (до 2018 г. Хабаровск – административный центр ДФО, центр ВВО) перед малыми поселениями в распределении «выравнивающих мер поддержки». В совокупности эти три фактора позволяют Хабаровску продолжать поддерживать доперестроечный уровень численности населения за счет миграционных потоков [10]

и сохранять экономическую и социальную функцию мегаполиса для края и частично для региона.

Социально-экономические трансформации в стране привели к перераспределению экономических ресурсов между социальными группами города, где за несколько десятилетий произошли три ключевые трансформации [1]. Механизмы приватизации и высокие темпы миграции в совокупности со стремительными темпами обогащения и обеднения разных групп населения привели к тому, что люди совершенно разного достатка, статуса, профессии и образа жизни равномерно перемешались внутри районов «завершенного города». Это обстоятельство привело к деструкции сообществ «видимого города», разрыву или ослаблению советских социальных связей.

Постепенное восстановление жилищного строительства в конце 2000-х гг. столкнулось с новыми правилами игры, где высокая стоимость строительства (вследствие отмирания промышленности как основного смысла поселения) и стремление к увеличению маржи по результатам своей деятельности привело к ежегодному обновлению стоимости квадратного метра и в новостройках, и на вторичном рынке. Большинство новых приезжих: студенты, мигранты, военные, переселенцы из малых поселений Дальнего Востока России – сформировали отрасль «серой арендной зоны», еще больше перемешав социальный состав «нормального города».

В результате социальная сегрегация в новом городе сложилась только в рамках неявного противопоставления постоянно расширяющегося центра и неопределяемого «не центра», охватывающего уже не только городскую территорию, но и субурбию. Важно и то, что появляется новый импульс – укрепление вертикали власти, выстраивание системы управления, которая в новых условиях, по сути, превращается в систему контроля. Выпадение из нее, произошедшее в Хабаровске в ходе митингов 2020 г., ведет к дальнейшей эскалации контроля, снижению объемов благ, распределяемых из федерального центра в сторону города.

В таких условиях социальное пространство «завершенной» части Хабаровска существует в рамках несформированных и хаотично распределенных по городу неформальных сообществ, никак не закрепляясь в пространстве, а значит, не производя никаких артефактов и смыслов [22]. В пространстве физическом образуются иные формы городских общностей – совместности [19]. Совместности не предполагают наличия общих ценностей или моделей поведения, они включают лишь социальные связи, возникающие по факту совместного пользования общими пространствами и их элементами – автостоянками, детскими площадками, парками и т. д. Логичным итогом становится то, что физическое пространство «завершенного» города становится ничьим (муниципальным, обществен-

ным или любой другой абстрактной формой представления безличного ответственного лица), а «незавершенное» пространство остается несчитываемым [21]. Внутри такого города не производится ни городской солидарности, ни зоны социального конфликта, напряжение же направляется в сторону безличной власти, осуществляющей надзорно-хозяйственные функции.

Противоположная часть – «незавершенная» – начинает проявляться в городской ткани в период развала советского проекта, когда одни части городской ткани отмирают вслед за схлопывающимся бюджетом ВПК, а другие маргинализируются, так как попросту не вписываются в концепцию «современного города». Но именно эти процессы поспособствовали своеобразному социальному консервированию, ведь в этих районах сохраняются городские сообщества прошлого этапа и образуются неформальные механизмы появления новых. Сложности социально-экономических преобразований нового этапа постепенно приводят к высвобождению из социальной структуры города целых профессиональных групп, а ограниченные территориально сообщества позволяют создавать способы компенсаторной и хозяйственно-бытовой поддержки. В ходе исследования были обнаружены сообщества «собирателей», т. е. группы, специализирующиеся по сбору дикоросов, промыслам на свалках и помойках.

«Ну понимаешь, тут студенты же, ну и китайцы всякие, они много новых хороших вещей тут выносят, кто кроссовки вот [показывает на свои ноги], кто даже по дому штучки всякие, иногда и теплую одежду или еще чего. Ну и, бывает, даже холодильники, двери деревянные» (женщина, около 30 лет, жительница частного сектора).

Другую обнаруженную группу мы обозначили концептом «земледельцы». Они занимаются огородничеством на пустырях, в лесопосадках и др. По происхождению это очень разные люди. Кто-то всегда жил в частном секторе, для кого-то подобный образ жизни (собирательство, огородничество) стал сознательной формой эскапизма, неприятия изменившейся реальности.

«Я при СССР уважаемым человеком был. Герой труда. А потом эта свистопляска с Горбачевым пошла. Народ сокращали, все закрылось. Вот, оказалось, иди ты, родной, на поклон к спекулянтам. Может быть, они тебя возьмут куда. Или сам станешь спекулянтом. А я не могу. Вот и продал квартиру. Теперь в доме своем живу. Вот картошку сажу. На выпить и закусить хватает» (мужчина, 71 год, житель частного сектора).

Частный сектор оказывается и пространством промыслов, находящихся за пределами государственного контроля. Это автомастерские, производство продуктов питания, сбор металлолома, строительство, ремонт

и многое другое. Как правило, подобные предприятия не особенно доходны. Они скорее форма самообеспечения, нежели работа по максимизации прибыли. Тем не менее подобное поведение вполне осознанно.

«Я несколько раз пытался, как ты говоришь, на нормальную работу устроиться. Больше на такую лажу не поведусь. Или на деньги кидают — обещают одну зарплату, а платят совсем другое. Последний раз я в СТО устроился. Так мне хозяин говорит: “Сгоняй мне за пивом”. Я ему: “Я тебе не слуга”. Он орать. Я ему в лобешник и уволился. Лучше я здесь сам на себя машины почию» (мужчина, 35 лет, житель частного сектора).

Впрочем, встречаются и вполне доходные предприятия, владельцы которых (чаще всего бывшие жители «невидимого города») используют невидимость места для избегания излишнего внимания государства, снижения издержек. Важнейшим обстоятельством, объединяющим эти довольно различные формы хозяйственной активности, выступает их включенность в достаточно плотные социальные сети, строящиеся как система взаимоподдержки и обмена.

«Конечно, я здесь многим помогаю. Нет, я не мать Тереза. Даже близко нет. Просто я здесь вырос. Это же люди, с которыми я учился в школе, в технаре. Их родители мне в детстве конфету давали. Что же я сегодня их детям помочь не могу, если бабки есть? Конечно помогу. И сам посмотри. Захотят меня прищучить. Они только подумают о проверке, а меня уже предупредили» (мужчина, 52 года, владелец «гаражной» автомастерской).

Важно заметить, что «невидимые сообщества», функционируя в режиме относительной изоляции от властного контроля и порой занимаясь совершенно нехарактерными для городского жителя занятиями, не теряют своего прямого контакта с городом. Члены «невидимых сообществ» учатся в тех же школах (по месту жительства), лечатся в тех же поликлиниках, участвуют в формах общегородского досуга и, более того, имеют прямые контакты с жителями «нормального города».

В результате проведенных нами полевых исследований [11] мы выяснили, что помимо вынужденно проживающих в «незавершенных» районах (наименьшая часть популяции) большинство местных осознанно выбирают место своего проживания и, более того, старательно отстаивают свое имущество, недвижимость и не всегда законные притязания на части городского имущества. «Борьба за город» [20] происходит в условиях реосвоения «незавершенного» города, в результате чего территориальные сообщества и их привычная среда попросту уничтожаются. В противовес наступлению сверху низовые неформальные механизмы производят территориальную стигму [9], образующую городскую мифологию, связанную с негативными характеристиками «незавершенных районов». Стигматизация выступает здесь формой самозащиты от воздействия власти.

Возрастание жесткости контроля в «видимой» части города, при том что прежние, советские солидарности, связанные с «работой», здесь де-структурированы, а новые так и не сформировались, приводит к тому, что начинается фиксируемый тренд на перемещение жителей в эти «невидимые» части города. Конечно, речь не идет о расширении пространства советского частного сектора. На территории бывшего частного сектора возникают коттеджные поселки. Стигматизация места не полностью, но всё же защищает жителей этих поселков от избыточного внимания властей. Интересно, что, судя по данным интервьюирования, здесь воспроизводятся многие типы связей (соседская взаимопомощь, избегание контактов с представителями власти, дружеские обмены и т. д.), характерные для прежних жителей этого места. Более того, оставшиеся прежние жители тоже часто включаются в систему социальных связей, формирующихся здесь.

Подобную картину описывал К.В. Григоричев в исследовании пригородов городов Сибири. Здесь же возникают пригороды в рамках городского пространства, со всеми элементами «экономики пригородов», описанной А. Павловым как «гаражная экономика» [13]. Гаражи, выходы поселков – как новых коттеджных, так и прежних – становятся центрами деловой активности. Здесь появляются кафе и мастерские, складские помещения, авторемонт и др. Причем юридически их, как правило, просто не существует. Они выступают входными пространствами в невидимый город, пространствами, где жители «завершенного» города могут коммуницировать с жителями города «незавершенного», невидимого.

На сегодня именно жители «видимого города», да и сам «видимый город», остается главным источником ресурсов для жителей и внутренних и внешних субурбий. Именно поэтому не деревни, а пригороды, «невидимые» городские пространства оказываются целью перемещения. Причем в этом направлении перемещаются и горожане (коттеджное строительство), и бывшие жители сел и малых городов (относительная дешевизна жилья). Однако по мере того, как снижается объем ресурсов, распределяемых властью через посредство города, и прежде всего имперского города, может оказаться, что более удаленное перемещение окажется предпочтительным. Хотя, возможно, именно периферийные сообщества в условиях сокращения ресурсов станут основой для переформатирования городского пространства. Но это будет уже совсем другая история.

Литература

1. Бляхер А.Е. Еще раз о «правовом нигилизме», или Об «обычном праве» на постсоветском Дальнем Востоке // Полития. – 2010. – № 3–4. – С. 192–206.

2. Бляхер А.Е., Григоричев К.В., Пешков П.О. На краю государства: реосвоение пустого пространства на периферии власти (по результатам полевых исследований) // *Полития*. – 2022. – № 2. – С. 71–101.
3. Бляхер А.Е., Иванова А.П., Ковалевский А.В. «Пустые пространства» и их обитатели в городах Дальнего Востока России (на примере города Хабаровска) // *Мир России. Социология. Этнология*. – 2021. – Т. 30, № 3. – С. 150–173.
4. Вагин В. Российское городское пространство: попытка осмысления. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 165 с.
5. Воробьев С.А., Калинин В.П. Сталь и бетон против Микадо. Береговая оборона и укрепленные районы сухопутной границы на Дальнем Востоке СССР. 1932–1945 гг. // *Крепость Россия: историко-фортификационный сборник*. Вып. 2. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 76–167.
6. Хабаровск шестидесятых: время надежда / ред.-сост. А.П. Врублевский. – Хабаровск: Юпитер, 2013. – 176 с.
7. Глазычев В. Глубинная Россия: 2000–2002. – М.: Новое издательство, 2005. – 328 с.
8. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. – Иркутск: Отгиск, 2013. – 248 с.
9. Казакова А.Ю. Территориальная стигма: содержание и знак оценки // *Социальные и гуманитарные знания*. – 2017. – Т. 3, № 4 (12). – С. 357–368.
10. Ковалевский А.В., Бляхер А.Е. Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2020. – № 3. – С. 120–127.
11. Ковалевский А.В., Иванова А.П. Ландшафты нужды: городские земледельцы и собиратели // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2021. – № 1. – С. 30–46.
12. Кулинич Н.Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2010. – 375 с.
13. Селев С.С. Гаражники. – М.: Страна Оз, 2016. – 168 с.
14. Меерович М.Г. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е гг. // *Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность*. – М.: Вариант: ЦГСПИ, 2007. – С. 84–117.
15. Трейвиш А.П. «Сжатие» пространства: трактовка и модели // *Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования: материалы XXVII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС*. – М., 2010. – С. 16–31.
16. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.
17. Филиппов А.Ф. Пустое и наполненное: трансформация публичного места // *Социологическое обозрение*. – 2009. – Т. 8, № 3. – С. 116–127.

18. *Флоринская Ю.Ф.* Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 79–87.
19. *Urban Commons: Moving Beyond State and Market / M. Dellenbaugh, M. Kip, M. Bieniok, A.K. Müller, M. Schwegmann.* – Berlin: Birkhauser Press, 2015. – 244 p.
20. *Harvey D.* The Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research. – 2003. – Vol. 27 (4). – P. 83–103.
21. *Lefebvre H.* The production of space. – Maden, MA: Blackwell, 1991. – 464 p.
22. *Werlen B.* Society, Action and Space. – London: Routledge, 1995. – 272 p.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022.

Статья прошла рецензирование 28.10.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-134-147

THE CITIZEN IN SEARCH OF COMMUNITY: PECULIARITIES OF THE ORGANIZATION OF THE FAR EASTERN URBAN SPACE (THE CASE OF KHABAROVSK)

Blyakher, Leonid,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor

Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies,

Pacific National University,

136 Tichookeanskaya Street, Khabarovsk, 680036, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0610-9395

leonid743342@mail.ru

Kovalevskii, Andrei,

Junior Research fellow, Department of Scientific Research,

Pacific National University,

136 Tichookeanskaya Street, Khabarovsk, 680036, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1576-337X

fakzy79@gmail.com

Abstract

As a rule, the tradition of analysis and description of the Russian city space marginalizes significant parts of this space. Thus, industrial zones, low-rise residential areas, etc. fall outside the concept of 'city'. The Soviet 'private sector' often remains outside the scope of analysis, covering more than half of the city's territory and a significant part of its population in individual settlements. This discussion in scientific papers has appeared recently, and we want to proceed with it in the space of Far Eastern cities. In this paper, we propose to look at these 'marginal' territories and the groups inhabiting them from a fundamentally different perspective, to consider them not as 'territories of prospective development', but as already established social space, with its inherent social significances and practices. From the framework of the Khabarovsk city we determine the ratio of 'normal urban' (regular urban development) and 'marginal' spaces on the basis of two years of observation, three series of in-depth interviews and analysis of statistics, demographic and spatial data, and then combine these two separated parts into a single object - the city, which, as we show in our work, is eminently characterized by both these types of spaces. As the study showed, it is in the 'invisible' part of the city that the most stable communities are formed, actively participating in the 'struggle for the city', organizing routine resistance to the aspirations of powerful agents to change their space. In areas of regular urban development, on the contrary, communities are increasingly replaced by 'combinations', associations regarding the use of common elements of urban infrastructure. At the same time, 'meeting points' appear between these parts, uniting the city, giving it a chance to form integrity, or at least coherence. The authors

present an analysis of the urban space and urban communities of Khabarovsk in this article.

Keywords: city, social space, urbanism, urban struggle, production of space, Khabarovsk.

Bibliographic description for citation:

Blyakher L., Kovalevskii A. The Citizen in Search of Community: Peculiarities of the Organization of the Far Eastern Urban Space (the Case of Khabarovsk). *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 1, pt. 1, pp. 134–147. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-134-147.

References

1. Bliakher L.E. Eshche raz o «pravovom nigilizme», ili Ob «obychnom prave» na postsovetском Dal'nem Vostoke [More On “Legal Nihilism”, or “Natural Law” in the Post-Soviet Far East]. *Politiya = Politeia*, 2010, no. 3–4, pp. 192–206.
2. Bliakher L.E., Grigorichev K.V., Peshkov I.O. Na krayu gosudarstva: reosvoenie pustogo prostranstva na periferii vlasti (po rezul'tatam polevykh issledovaniy) [On the edge of the state: political formation of the periphery of power]. *Politiya = Politeia*, 2022, no. 2, pp. 71–101.
3. Bliakher L.E., Ivanova A.P., Kovalevskiy A.V. «Pustye prostranstva» i ikh obitateli v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (na primere goroda Khabarovska) [“Empty Spaces” and Their Inhabitants in Far Eastern Russian Cities: The Case of Khabarovsk]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2021, vol. 30, no. 3, P. 150–173.
4. Vagin V. *Rossiiskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmysleniya* [Russian urban space: an attempt to comprehend]. Moscow, Moscow Public Science Foundation Publ., 2000. 165 p.
5. Vorob'ev S.A., Kalinin V.I. Stal' i beton protiv Mikado. Beregovaya oborona i ukreplennye raiony sukhoputnoi granitsy na Dal'nem Vostoke SSSR. 1932–1945 gg. [Steel and Concrete Versus Mikado. Coast Defense and Fortified Land Frontier Districts in the Far East of the USSR. 1932–1945]. *Krepost' Rossiya. Vyp. 2* [Fortress Russia. Vol. 2]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2005, pp. 76–167.
6. Vrublevskii A.P., comp. *Khabarovsk shestidesyatykh: vremya nadezhd* [Khabarovsk in the Sixties: A Time of Hope]. Khabarovsk, Yupiter Publ., 2013. 176 p.
7. Glazychev V. *Glubinnaya Rossiya: 2000–2002* [Deep Russia: 2000–2002]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005. 328 p.
8. Grigorichev K.V. *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda* [In the Shadow of the Big City: The Social Space of Suburbia]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2013. 248 p.
9. Kazakova A.Yu. Territorial'naya stigma: sodержanie i znak otsenki [Territorial Stigma: Content and Assessment]. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 357–368. (In Russian).
10. Kovalevskij A.V., Blyakher L.E. Dal'nevostochnaya migratsiya: osobennosti interpretatsii na primere keisa Khabarovskogo kraya [Far Eastern migration: peculiarities of interpretation on the example of the Khabarovsk region].

liarities of the interpretation. Example of the Khabarovsk Territory case]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Ojkumena. Regional Researches*, 2020, no. 3, pp. 120–127.

11. Kovalevskij A.V., Ivanova A.P. Landshafny nuzhdy: gorodskie zemledel'tsy i sobirately [Landscapes of Destitution: Urban Farmers and Urban Gatherers]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Ojkumena. Regional Researches*, 2021, no. 1, pp. 30–46.

12. Kulinich N.G. *Povsednevnyaya kul'tura gorozhan sovetskogo Dal'nego Vostoka v 1920–1930-e gody* [Daily Culture of Residents of the Soviet Far East in the 1920s and 1930s]. Khabarovsk, Pacific National University Publ., 2010. 375 p.

13. Selev S.S. *Garazhniki* [Garage Workers]. Moscow, Strana Oz Publ., 2016. 168 p.

14. Meerovich M.G. Sotsialisticheskii gorod: formirovanie gorodskikh obshchnostei i sovetskaya zhilishchnaya politika v 1930-e gg. [The Socialist City: The Formation of Urban Communities and Soviet Housing Policy in the 1930s]. *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-keh godov: ideologiya i povsednevnost'* [Soviet Social Policy of 1920s – 1930s: Ideology and Everyday Life]. Moscow, Variant Publ., 2007, pp. 84–117.

15. Treivish A.I. «Szhatie» prostranstva: traktovka i modeli [«Compression» of space: interpretations and models]. *Szhatie sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya* [Shrinkage of socio-economic space: New in the theory of regional development and practice of its state regulation]. Moscow, 2010, pp. 16–31.

16. Trubina E. *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [The City in Theory: Experiences of Making Sense of Space]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 520 p.

17. Filippov A.F. Pustoe i napolnennoe: transformatsiya publichnogo mesta [Empty and Filled: Transforming Public Space]. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*, 2009, vol. 8, no. 3, pp. 116–127.

18. Florinskaya Yu.F. Trudovaya migratsiya iz malykh rossiiskikh gorodov kak sposob vyzhivaniya [Labor Migration from Small Russian Cities as a Way of Survival]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2006, no. 6, pp. 79–87.

19. Dellenbaugh M., Kip M., Bieniok M., Müller A.K., Schwegmann M. *Urban Commons: Moving Beyond State and Market*. Berlin, Birkhauser Press, 2015. 244 p.

20. Harvey D. The Right to the City. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2003, vol. 27 (4), pp. 83–103.

21. Lefebvre H. *The production of space*. Malden, MA, Blackwell, 1991. 464 p.

22. Werlen B. *Society, Action and Space*. London, Routledge, 1995. 272 p.

The article was received on 10.10.2022.

The article was reviewed on 28.10.2022.